

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

В.В. КОЛБАНОВСКИЙ

ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ РАН И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В РОМАНЕ Н.И. АЛЕКСЕЕВА «СИСТЕМА»

К концу 2006 г. я получил на рецензию еще тогда не изданный обширный роман Н.И. Алексеева «Система». Поскольку в нем затрагивается история Института социологии РАН и многие имена его основателей периода «бури и натиска», а также потому, что этот роман в 2007 г. был опубликован, я считаю целесообразным воспроизвести свой отзыв.

Роман Н.И. Алексеева можно отнести к жанру «беллетризованных мемуаров», главным героем которых является сам Автор и его «излюбленные идеи» — выработанные им теоретические представления о советской действительности 1970-х гг. Мне приходилось выступать в жанре «социологических мемуаров»: в 1999 г. — «К истории постсталинской социологии» (в книге «Российская социология 1960-х годов в воспоминаниях и документах» под редакцией Г.С. Батыгина) и в 2005 г. — «Эпоха, замысел, судьба проекта “Социальная организация промышленного производства”». Поэтому беру на себя смелость дать отзыв на роман «Система».

Персоналии

Образы наиболее видных социологов 1960-1970-х гг., заложивших основания для утверждения и развития российской социологии, представлены в романе в крайне негативном, шаржированном, карикатурном

Колбановский Варлен Викторович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. Телефон: (495) 125-80-88.

виде. Автор довольно неуклюже переименовывает их фамилии: Ядов — Мухаморов, Здравомыслов — Благоразумов, Лапин — Лаптев, Грушин — Яблоков. В другом ряду стоят Чангли — Чанглина, Чупров — Чупрынин, Староверов — Старообрядцев, Руткевич — Рудаков, Квасов — Брагин и т. д. Таким образом, прототипы всех действующих лиц легко узнаваемы. Их характеристики содержатся в гл. 6 «Ученый совет». Вот некоторые из них:

«Влетел в зал как метеор, быстро поворачивая голову во все стороны и размахивая руками, известный демограф Леонид Рыбаков [Л.Л. Рыбаковский. — *В.К.*]. Маленький профессор возглавлял в институте крупный отдел. Из года в год он *пугал* [подчеркнуто мной. — *В.К.*] Ученый Совет и плановые органы страны падением рождаемости, ростом смертности и неблагоприятными миграционными потоками... За эти научные *устрашения* [подчеркнуто мной. — *В.К.*] Леонида Рыбакова третировали в других центрах демографии, но ценили в своем институте» (с. 119).

«Таинственно, — из ниоткуда, — возник в зале Вилен Николаевич Ивашов [В.Н. Иванов. — *В.К.*], заведующий секретным отделом института. Он проводил никому неизвестные исследования неизвестно где и докладывал никому неведомые результаты неизвестно кому» (с. 119).

«Григорий Львович Бондарев [Г.Л. Бондаревский — *В.К.*]... знал прошлое, настоящее и будущее исламских народов Востока, как свою личную биографию, дружил с высшими руководителями Индии, Ирана, Ирака и Арабских Эмиратов, регулярно посещал и принимал послов этих стран, которые откладывали все дела ради беседы с ним...» (с. 120).

(Относительно первых трех характеристик замечу в скобках: «Не поздоровится от эдаких похвал!»). Что же касается Г.Л. Бондаревского, то память этого разведчика, боровшегося в Иране с агентами абвера и гестапо, заслуживает большего уважения. Следует помнить и о его трагической гибели от рук бандитов, похитивших его боевые ордена.)

Борис Яблоков [Б.А. Грушин — *В.К.*] «...недавно ушел из института, хлопнув дверью. Уж слишком много хвостов, незаконченных исследований тянулось за ним. А он брался все за новые и новые исследования, поражая воображение своих коллег масштабностью и возвышенностью своих проектов. Рудаков же [М.Н. Руткевич — *В.К.*] терпеть не мог разбросанности, незавершенности. Это претило его суровой и сдержанной натуре. Любые затраты должны давать результаты. Тем более — народных средств. Этого Михаил Николаевич не мог прощать — ни себе, ни другим» (с. 131). (Замечу в скобках: *сначала* Руткевич создал невыносимые условия для масштабного проекта по изучению общественного мнения (сокращение числа сотрудников

и т. д.), а *затем* потребовал неукоснительного выполнения плановых тем, что и «выдавило» Б.А. Грушина из института.)

Особенно не поздоровилось от Автора Н.И. Лапину (в книге Иван Лаптев. — *В.К.*) «...Экспрессия и убежденность в своей самооценности... уже в юности были присущи Ивану. Он никогда не сомневался в себе, в своих словах, в тех установках, которые излагал. Это была счастливая натура, всегда нацеленная лишь на торжество своих утверждений...» (с. 122). О программе Н.И. Лапина «Социальная организация: «...самые сложные проблемы [социализма. — *В.К.*] — не назывались, их противоречивость — не раскрывалась, а пути и методы их анализа даже не намечались. Это была непостижимая, почти мистическая, интеллектуально изоциренная игра в научные понятия, которые непосвященным были совершенно непонятны, но завораживали их скрытой многозначительностью» (с. 123).

Картина достаточно ясная. Портреты (точнее, шаржи), расписанные Автором, — негативны к тем, кто фактически создавал ИКСИ (они называются «удельными князьями», «боярами», «батьками» и т. д.), осторожно благожелательны к маститой фигуре Геннадия Осиповича Васильева (Г.В. Осипова) и являются «дружескими шаржами» только по отношению к М.Н. Руткевичу и его ближайшему окружению. Таким образом, Автор весьма субъективен и предвзят в своих оценках.

Искаженная картина процессов, происходивших в ИКСИ – ИСИ АН СССР в 1972-1973 гг.

Действие романа можно датировать весной 1973 – осенью 1980 гг., то есть самой «глухой порой» безвременья и застоя эпохи «дорогого Леонида Ильича». Автор приходит в ИКСИ в момент обсуждения на Ученом совете проекта Н.И. Лапина «Социальная организация» и аттестации сотрудников проекта Н.Ф. Наумовой, Э.М. Коржевой, А.И. Пригожина, которые были «провалены» тайным голосованием. Во-первых, такого обсуждения на Ученом совете *не было*, оно состоялось келейно — на дирекции, в очень ограниченном кругу. Во-вторых, провал сотрудников Н.И. Лапина не был «неожиданностью» для руководителя института, он был им тщательно подготовлен и спланирован. Подоплека этих событий такова: в 1969-1971 гг. происходят разгромные обсуждения «Лекций по социологии» Ю.А. Левады, «Математических методов в социологии» и ряда других книг. Институт «засвечивается» как гнездо вольнодумства и инакомыслия. Назначение Н.И. Лапина и.о. директора ИСИ (в 1972 г. переименованного в ИКСИ) не меняет положения: в институте остаются наиболее крупные социологи Москвы и Ленинграда. Принимаются закрытые (совсекретные) решения ЦК и МГК КПСС об

«укреплении» и «очищении» института от «засоренности кадров». Мандат на это получает член-корр. АН СССР М.Н. Руткевич¹.

Братья Стругацкие в своей классической повести «Трудно быть богом» рисуют фигуру «Орла нашего, Дона Рэбы» — организатора переворота в средневековом королевстве Арканар. Они предлагают преподавать курс «феодальной интриги» и ввести показатель успеваемости в «рэбах», а еще лучше — в «децирэбах».

В ИКСИ М.Н. Руткевич блистательно применил методы и приемы «подковерной борьбы». «Орел наш, Дон Рэба» действовал следующим образом: он пополнил Ученый совет своими сторонниками, немедленно удалил из него Ю.А. Леваду, А.А. Галкина, Ф.М. Бурлацкого. Затем он обратил карающий меч против «инакомыслов» — в первую очередь Н.И. Лапина и Б.А. Грушина. Но сделано это было по византийским правилам «феодальной интриги»: а) на Ученом совете большинством голосов Н.И. Лапин избирается заведующим урезанного отдела, а ныне сектора; б) на следующем Ученом совете большинством голосов (без открытых выступлений против) проваливаются трое способнейших сотрудников проекта; в) после этого на дирекции закрыто обсуждается и проваливается проект «Социальная организация» — рецензентами выступают в основном коллеги М.Н. Руткевича по Свердловску.

В этой ненормальной обстановке Н.И. Лапин вынужден уйти вместе со своим коллективом в другой институт. Аналогичная судьба постигает несколько позже Б.А. Грушина, В.А. Ядова, А.Г. Здравомыслова, О.И. Шкаратана, И.С. Кона и других ведущих социологов. Институт перестает быть «мозговым центром», созвездием умов, генератором идей.

Автор в гл. 6 «Ученый совет» всей этой «византийщины» не раскрывает (не замечает или игнорирует, хотя она представлена в уже упомянутой мною книге). Тем самым дается достаточно искаженная картина тех процессов, которые значительно ослабили и замедлили развитие российской социологии.

Две социологии и драма идей

Общим местом является утверждение, что наука — это драма идей, то есть зарождение, утверждение и торжество одних из них и устаревание и гибель других. В физике XX в. Драма идей выразилась в переходе от классической механики к квантовой, от ньютоновской модели — к эйнштейновской и далее к теории сложных самоорганизующихся

¹ См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. (Часть II. Документы.)

систем Ильи Пригожина; в биологии это переход от макроэволюции к ее механизму на уровне молекулярной биологии и генной инженерии; в социологии это переход от классического к неклассическому подходу, от монотеоретической к мультитеоретической парадигме. В российской социологии с конца 1950-х гг. особенно остро разворачивается эта «драма идей». Ее, на мой взгляд, достаточно точно характеризует Г.С. Батыгин в предисловии к упомянутой мною книге: «Можно говорить о противостоянии двух “социологий” — одна наследовала доктринальное величие сталинского марксизма, другая стремилась к переоценке ценностей, пыталась развивать новые темы и исследовательские методы... Социологи шестидесятых годов восприняли “кодекс научной честности” как принципиальную методологическую установку и противопоставили компетентность и профессионализм не столько официальной идеологии, сколько идеологическому приспособленчеству и мнимой партийности»². Великолепными, «эталонными» представителями социологии второго типа были недавно ушедшие от нас Ю.А. Левада и Б.А. Грушин.

Автор романа «Система» не чурается этой драмы идей. В самом деле, нельзя жить в Системе и быть свободным от этой Системы. Как бы мы ее ни называли: Тоталитарной, Командно-административной, Казарменной и т. д., она, прежде всего и более всего, была *идеократией*, то есть властью доктрины над умами, судьбами и душами людей, отступление от которой каралось либо смертью (в 1920-1930 е гг.), либо отлучением от «воды и огня» (в более поздние годы). Собственную «драму идей» (столкновение с Системой, когда его книгу пускают «под нож», докторскую диссертацию тормозят в ВАКе, чуть было не лишают заведования сектором и т. д.) Автор романа представляет как трагедию. Столкновение с Системой других социологов (а именно таким был разгром ИКСИ в начале 1970-х гг.) Автору романа представляется скорее как комедия или буффонада.

По какому пути могли идти социологи в условиях идеократии?

а) Перестать жонглировать категориями «трех составных частей марксизма», но под «крышей» этих категорий разрабатывать фундаментальные отрасли социального знания. По этому пути пошли ведущие социологи ИКСИ конца 1960-х – начала 1970-х гг. Они не только заложили, но и разработали на уровне мировой социологии целые отрасли, школы направления: социологию религии (Ю.А. Левада), социологию массового сознания (Б.А. Грушин), индустриального труда (В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов), аграрного труда

² Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 10, 13.

(Т.И. Заславская), социологию образования (В.Н. Шубкин), социологию организаций и инноваций (Н.И. Лапин).

Автор романа недоумевает, почему Иван Лаптев (Н.И. Лапин) лишь вскользь упоминает в своем проекте об «общественной социалистической собственности». «Почему-то большое внимание авторы придавали спонтанным, т. е. произвольным, стихийным, неуправляемым явлениям в производстве. Но что это за явления, — не называли и даже не обозначали... В начале программы Иван Лаптев отдавал должное общественной собственности и производственным отношениям. Но это было для него лишь общим местом, а не рабочими понятиями, дальше он о них забывал» (с. 125).

В этом и состоит гвоздь вопроса. Наиболее общие «истматовские» категории и не могут быть «рабочими понятиями». Здесь (об этом, кстати, говорит и сам Маркс) необходима целая лестница «восхождений» от абстрактного к конкретному. Механизмом такого «восхождения», опосредований и переходов и является проект «Социальная организация» — только так, не лобовой атакой, а долговременной осадой можно было подступиться к проблемам промышленного предприятия, вскрыть его реальные, а не умозрительные противоречия. Система идеократии в лице «Орла нашего, Дона Рэбы» уловила опасность и зарубила проект: сама концепция спонтанных процессов при социализме угрожала мифу о его всеобщей планируемости, организованности и вездесущности. Относительно недавно издан том «Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов» (М.: Academia, 2005). По нему можно судить, насколько тщательно была разработана методология и методика исследования и в каких формах оно продолжалось в 1970-х гг., невзирая на veto Системы. Аналогичные издания выполнены Б.А. Грушиным и некоторыми другими социологами. Спор между «двумя социологиями», возникший на рубеже 1960-1970-х гг., разрешило само время, и вполне очевидно, кто в нем победил.

б) Второй путь для социолога в условиях идеократии — это социальная инженерия, разработка (на основе представительной информации) планов социального развития трудовых коллективов, городов, регионов. Здесь достаточно плодотворно работали Н.А. Аитов, З.И. Файнбург, О.И. Шкаратан, А.В. Тихонов и многие другие. Это — более краткий, «точечный» способ воздействия на Систему, попытка ее локальной регуляции и усовершенствования в отдельно взятых звеньях.

в) Третий путь (по которому идет Автор романа) — это попытка глобального усовершенствования Системы в сторону ее «конечной цели». Способом исследования здесь является «кейс-стади» — изучение отдельных предприятий, совхозов и т. д., где происходят позитивные «девиации» в формах труда, зарплаты, управления («бригадный

подряд», эксперимент Хоменко — гл. 4 «Черная металлургия», гл. 5 «Туфта или правда?», гл. 9 «Такыры» и др.).

Ключевыми вопросами романа являются: что такое сама Система (гл. 8 «Клика или Система?»), что такое социалистическая собственность (гл. 23 «Terra incognita»)?

Эти вопросы (исключительно в марксистских категориях и не прибегая ни к каким другим социологическим классикам) обсуждаются на протяжении всего романа. Они были достаточно актуальными для своего времени и передают «аромат эпохи», но современному, менее искушенному читателю требуется немалое напряжение, чтобы уразуметь «жаргон по-марксистски». Первый вопрос ставится так: клика (захватившая власть) создает кастрированную Систему или же сама Система порождает Клику вождей и начальников? В ходе дискуссии Система подводится под категории «государственного капитализма», «этатизма» (патерналистского государства) и т. д. — всего чего угодно, но только не собственно социализма.

По второму вопросу Автор романа приходит в конце книги к выводу, что понятие «общественная собственность» — это terra incognita, что построенный государственный социализм — это только первый и несовершенный шаг, и он все еще далек от идеалов Октября 1917 г. Но для того, чтобы сделать дальнейшие шаги, нет субъективного фактора — нет ни дееспособной политической партии, ни политической воли. В стране царит геронтократия.

Четкие, социологически и экономически развернутые ответы на поставленные вопросы в книге так и не прозвучали. В социологической литературе, по моему мнению, ответы на них содержатся в книге Е. Старикова («Общество — казарма от фараонов до наших дней»; Новосибирск, 1995). Ответ на вопрос «есть ли отчуждение труда при социализме?» подробнейшим образом разбирает Н.И. Лапин («Кризисный социализм. Наше общество в трех измерениях». М., 1994).

Наиболее точно сформулировал ответы на эти вопросы крупный экономист академик В.К. Абалкин в своем выступлении на последней по счету конференции КПСС в 1990 г.: «Социализм мы не построили и в социалистическом обществе не жили». Конференция встретила это выступление всеобщим улюлюканьем.

Типические образы в типических обстоятельствах

О науке и людях науки очень трудно писать. Удачи крайне редки: В. Каверин («Открытая книга», прототипы — микробиологи Л.А. Зильбер и З.В. Ермольева), Д. Гранин («Иду на грозу»: прототип — физик Л.Д. Ландау). Трудность заключается именно в типизации — создать не конкретный (биографический) образ ученого, а его обобщенный образ, включающий органичный для этого типа набор характерных черт. До такого уровня художественных обобщений Автор

романа не поднимается. Да он и не ставил перед собой подобной задачи. Скорее всего, он хотел запечатлеть под несколько измененными фамилиями своих многочисленных недоброжелателей и недругов. А здесь уже начинают действовать не трезвые, объективные оценки, но более всего эмоции, здесь возникает непонимание и общественного, и научного процесса в исторических рамках более трети столетия, а следствием всего этого с неизбежностью является деформация, искажение той действительности и образов людей, которые окружали Автора романа в ИКСИ АН СССР.

На мой взгляд, Автор нарушил один непреложный принцип, завещанный Александром Сергеевичем в «Эпиграмме»: «Иная брань, конечно, неприличность». Поскольку она общеизвестна, отмечу, что Пушкин предлагает направлять сатирические стрелы не на конкретное «лицо» («...все это будет личность»), а на обобщенный образ — «господина парнасского старовера» («...тут не лицо, а только литератор»).

Вот этого принципа и не соблюдает Автор романа. Все зарисовки наших крупных социологов являются, говоря пушкинским языком, «личностью», а потому показывают шаржированные, окарикатуренные образы.

Заключение

Главлита у нас теперь, хвала Аллаху, не существует, и мы не страдаем, как говаривал Маяковский, «от засилья в цензорах».

Автор волен печатать свой роман там и в таком объеме, где и в каком найдет нужным. «НО» (как говорит в романе проф. Ирина Сергеевна Чанглина), по моему глубокому убеждению, не следует оказывать содействие Автору в публикации этого романа. Это будет весьма плохой подарок к предстоящему юбилею Института социологии.

P.S. Моя рецензия была доведена до сведения Н.И. Алексеева. В следующем 2007 г. он, — не изменив ни одной строчки, — публикует свой роман и завершает его следующей сентенцией от имени Автора: «Система, с которой он жил, внешне все была такой же несокрушимой, как и прежде, но он уже чувствовал, знал и видел, что внутренне она созрела для качественного обновления. Идеи самофинансирования и самоуправления овладевали умами людей, будучи осуществленными, они раскрепощали могучую энергию народа во имя его блага, тем самым утверждая в стране Советов подлинный социализм. Но он не знал и не ведал, что небольшая кучка озлобленных и недалеких людей в высшем органе правящей партии уже исподтишка, изощренно и скрытно готовила внезапное, сокрушительное и тотальное поражение всей системы, которого никто не предвидел и не ожидал...» (с. 653).

Совершенно очевидно, что автор романа «Система» за последние четверть века — подобно пресловутым Бурбонам — ничего не забыл и ничему не научился. Тоталитарная Система не гнется (потому как ригидна), не ломается (потому как прогнила изнутри). Слом этой Системы Н.И. Алексеев воспринимает как катастрофу, как результат «тайного заговора», козни «мировой закулисы». Это говорит о том, что он не только глубочайший субъективист в своих оценках людей и событий, но и о том, что он напрочь лишен элементарного социологического подхода к крупным историческим событиям.

Юбилей Института социологии РАН состоялся в 2008 г. В докладах на ученых советах и III Всероссийской социологической конференции (2007), в статьях социологических журналов история возникновения Института социологии и связанная с этим «драма идей» получила достойное и объективное отражение. Книга Н.И. Алексеева на фоне этого богатого материала выглядит безнадежно субъективистской, ретроградной и карикатурной во всех своих оценках и подходах к истории отечественной социологии, если эту историю рассматривать как действительную, а не мифическую.